

В. А. Томсинов

**Подготовка и проведение
университетской реформы
1863 года**

Опубликовано в издании:

Университетская реформа 1863 года в России /

Составитель и автор вступительных статей

В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012.

С. LXVIII–CXVII.

(Серия “Великие реформы»).

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ 1863 ГОДА

§ 1. Разработка нового Университетского устава

Подготовка университетской реформы началась в 1856 году и до начала 60-х годов шла без особой спешки. К февралю 1858 года попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь Г. А. Щербатов составил с помощью профессора К. Д. Кавелина предварительный проект нового устава для Санкт-Петербургского университета¹, включавший в себя 245 параграфов, разделенных на шесть глав. Университет мыслился в нем учреждением, предназначенным служить рассадником «высшего теоретического образования в Империи»². В связи с этим существенно расширилась автономия университетской организации и повышался статус профессоров³.

Университетское образование делалось по проекту устава, разработанного Г. А. Щербатовым и К. Д. Кавелиным, более доступным: отменялись вступительные экзамены, бедные студенты освобождались от платы за обучение в университете. В рамках юридического факультета указанный проект предполагал наличие двух отделений: наук юридических и наук административных. Преподавание этих наук должно было вестись по четырнадцати кафедрам вместо семи, предусматривавшихся Общим уставом российских императорских университетов 1835 года.

¹ Ординарный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре русской словесности Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) записал 24 февраля 1858 г. в своем дневнике: «Вчера князь Щербатов читал мне свой устав университета. Сомнительный успех, ибо тут требуются деньги и новые права» (*Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877)*. СПб., 1893. Т. 2. С. 80).

² РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 261. Л. 76, 81. См. подробнее об этом проекте в книге: *Зипунникова Н. Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 122–124.

³ В частности, министр народного просвещения лишился правомочия назначать кого-либо на профессорские должности по своему усмотрению.

В сопроводительном письме к своему проекту устава Санкт-Петербургского университета князь Щербатов предлагал распространить этот документ, после одобрения Министерством народного просвещения, на все российские университеты, внося в него соответствующие изменения¹.

30 апреля 1858 года проект Щербатова–Кавелина был представлен Совету Санкт-Петербургского университета. Сам попечитель учебного округа не только присутствовал, но и председательствовал на этом заседании Университетского совета. На нем было решено образовать специальную комиссию для более внимательного рассмотрения проекта. А. В. Никитенко, вошедший в состав данной комиссии, записал в свой дневник после первого ее заседания, которое прошло вечером 7 мая: «Этот труд, кажется, как и многие другие подобного рода, на ветер. Такие улучшения университета, какие мы предполагаем, — чистая утопия. У нас нет еще твердого убеждения в том, что науке нужны и простор, и средства, и уважение ее интересов. Напрасно обрадовались некоторые, что вот, дескать, теперь настоящее торжество науки. Мы далеки еще от этого торжества. Оно наступит тогда, когда будут оказывать ей почести не на словах, а в сердцах; когда ее не будут считать только потребностью *государства*, а потребностью *человеческой природы*»².

Помимо Санкт-Петербургского университета, проект нового университетского устава, подготовленный Г. А. Щербатовым и К. Д. Кавелиным, обсуждался в 1859–1860 годах в Московском и Киевском университетах. Совет Московского университета представил в Министерство народного просвещения целый ряд предложений по организации внутриуниверситетского управления, а также относительно статуса преподавателей и содержания учебных программ³. Ректор Университета Св. Владимира Н. Х. Бунге предложил придать университетам характер юридических лиц с полномочиями владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, совершать сделки и отстаивать свои имущественные интересы в суде⁴. В целом же ни университетские советы, ни Министерство не поддержали этого проекта.

Между тем к началу 1861 года стало очевидным, что оставлять университеты в прежнем состоянии значит губить университетское обра-

¹ РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 186. Л. 1 об.; *Зипунникова Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

² *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. С. 91.

³ РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 261. Л. 182–182 об.; *Зипунникова Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

⁴ РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 186. Л. 23 об.; *Зипунникова Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

зование в России. А. В. Никитенко записал 16 марта указанного года в своем дневнике: «Судьба наших университетов должна бы обратить на себя внимание наших мыслящих людей и общества, если бы они способны были заниматься такими безделицами. Университеты наши, очевидно, клонятся к упадку. Юношество в них деморализовано; профессора лишены всякого значения... Многие кафедры пусты¹, другие скоро будут пусты, и нечем их заместить, потому что молодые даровитые люди службе университета предпочитают другие карьеры, — одним словом, полное оскудение. Право, никогда еще, кажется, даже при Николае I, в 1848 году, университеты наши не были в таком критическом положении, как теперь»².

Серьезная угроза для университетов вообще и для юридического образования в особенности таилась и в стремительно усиливавшейся с конца 50-х годов XIX века политизации студенчества. Вовлекаясь в политическую деятельность, студенты тем самым отвращались от учебы, превращались в недоучек. Будущие же юристы, проникаясь теми или иными политическими идеалами, начинали смотреть на свою профессию не как на поприще служения правде, закону, общественной пользе, но как на инструмент защиты интересов тех или иных политических группировок.

Осенью 1861 года барон М. А. Корф представил в Министерство народного просвещения проект преобразования университетов, предполагавший ликвидацию в них экзаменов и деления на курсы, т. е. превращавший их в совершенно открытые для всех просветительские заведения. Модест Андреевич считал, что только такая мера позволит предотвратить создание в университетах студенческих политических обществ. 21 октября того же года этот проект обсуждался в министерстве на специальном совещании. Он был поддержан рядом профессором³, однако министр А. В. Го-

¹ По сведениям, приводившимся в «Журнале Министерства народного просвещения», к началу 1862/1863 учебного года в российских университетах оставалась незанятой 31 кафедра. Из них 13 было только в одном Санкт-Петербургском университете. На юридическом факультете здесь пустовали, в частности, кафедры «государственного права Российской империи и энциклопедии законоведения», «российских гражданских законов», «сравнительной истории положительных законодательств», «практического судопроизводства», «гражданских законов царства Польского», «уголовных и административных законов царства Польского» (Заметка о вакантных кафедрах в наших университетах // ЖМНП. 1862. Ч. 115. № 9. Отдел 1. С. 131).

² *Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. С. 249.*

³ Профессор А. В. Никитенко, присутствовавший на этом обсуждении проекта М. А. Корфа, записал в своем дневнике: «Я подал голос в пользу этого проекта, полагая, что в настоящее время это чуть ли не единственное средство борьбы с корпоративным духом молодых людей в университетах. Дух этот в своем настоящем виде

ловин решительно выступил против проекта университетской реформы, разработанной бароном Корфом.

4 декабря 1861 года повелением императора Александра II, изданным по докладу министра народного просвещения Е. В. Путягина на имя попечителя Дерптского учебного округа Егора Федоровича фон Брадке, при Министерстве народного просвещения была учреждена особая Комиссия из университетских профессоров¹ и попечителей учебных округов² с поручением: «1) пересмотреть ныне действующие университетские уставы и все вообще положения, до университетов относящиеся, и указать, какие, по ее мнению, должны быть сделаны в оных изменения, сообразно с нынешним состоянием науки и требованиями просвещения; 2) соответственно с предполагаемыми изменениями составить проекты университетских уставов, и 3) соображения и заключения Комиссии представить г[осподину] министру с вышепоименованными проектами уставов»³.

Первое заседание Комиссии состоялось 7 декабря. На нем было решено «начертать проект одного Общего устава для всех российских университетов (в том числе и Дерптского) со включением в оный лишь тех особенностей, которые следует сохранить в уважение к местным условиям»⁴. При разработке этого документа Комиссия исходила из по-

такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишними никакие жертвы для его ослабления» (там же. С. 289). Впоследствии, правда, Александр Васильевич изменил свое мнение о проекте Корфа и оценил его как вредный по своим последствиям. Высказываясь о проекте нового университетского устава, подготовленном при его участии в 1862 г. в Министерстве народного просвещения, он заявил, что предложенный Корфом способ поступления в университет без экзаменов «едва ли может быть допущен, преимущественно потому, что наполнит бы университет слушателями неподготовленными и сделал бы науку жертвою дилетантизма или только орудием для приобретения университетских привилегий» (Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 1. С. 465).

¹ Среди профессоров, вошедших в Комиссию, было двое правоведов — Николай Христианович Бунге и Семен Викентьевич Пахман.

² В состав Комиссии были назначены, в частности: попечитель Московского учебного округа генерал-майор Н. В. Исаков, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа генерал-лейтенант Г. И. Филипсон, попечитель Киевского учебного округа барон А. П. Николаи, попечитель Казанского учебного округа князь П. П. Вяземский, помощник попечителя Харьковского учебного округа К. К. Фойгт.

³ Объяснительная записка к проекту Устава российских университетов // Проект Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 33.

⁴ Там же. Член данной Комиссии профессор А. В. Никитенко написал в своем дневнике о первом ее заседании, что во время него «после довольно продолжительных прений между председателем и Филипсоном, принято было приступить к пере-

нимания университетов как высших учебных заведений, созданных для образования молодых людей, обладающих познаниями, необходимыми для усвоения лекционного материала. В соответствии с этим Комиссия «считала одной из своих главных задач развить в уставе такие начала, которые, с одной стороны, усилили бы самостоятельность ученого университетского сословия и влияние его на студентов, а с другой — способствовали бы образованию состава учащихся в университетах с серьезным, научным направлением»¹.

В течение декабря 1861 года прошло семнадцать заседаний Комиссии, посвященных обсуждению основных принципов университетского устройства. 5 января 1862 года члены Комиссии подписали проект нового устава для российских университетов. Одновременно с этим документом были разработаны проект устава общеобразовательных учебных заведений Министерства народного просвещения и план устройства народных училищ.

Председатель Комиссии Е. Ф. фон Брадке полагал целесообразным ввести проект нового университетского устава сначала в каком-нибудь одном университете на шестилетний срок, чтобы посмотреть, как он будет действовать на практике. Однако управляющий Министерством народного просвещения А. В. Головнин посчитал более плодотворным другой способ проверки его качества — широкое обсуждение его в университетской среде. 31 января 1862 года он издал распоряжение, которым предложил попечителям учебных округов подвергнуть указанные проекты и план обсуждению в университетских советах, а также поручить эти документы, все вместе или по отдельности, «рассмотрению лиц, известных им своей педагогической опытностью»².

По приказу А. В. Головнина тексты проектов уставов учебных заведений были переведены на немецкий, французский, английский языки и посланы видным ученым и педагогам Германии, Франции, Бельгии и Великобритании³ с просьбой сделать на них критические замечания. По-

смотрю устава 1835 года и проектов нашего университета, Киевского, Московского, исправляя и изменяя устав сообразно новым потребностям» (Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. С. 298).

¹ Объяснительная записка к проекту Устава российских университетов. С. 33.

² О рассмотрении вновь составленных проектов уставов учебных заведений. 31 января 1862 года // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1867. Т. 3. 1850–1864. Стлб. 458.

³ В Англии проекты были розданы 56 ученым и преподавателям различных учебных заведений, в Шотландии — 20. Их список опубликован в издании: ЖМНП. 1862. Ч. 115. № 9. Часть официальная. С. 157–158.

лученные Министерством народного просвещения суждения, замечания, оценки относительно данных проектов были собраны в сборники и напечатаны для всеобщего ознакомления¹. Первая часть «Замечаний на проект Общего устава императорских российских университетов» вышла в свет в июле 1862 года. Немногим позднее была издана вторая часть этого сборника².

Желая получить самые свежие сведения об устройстве и функционировании ведущих западноевропейских университетов, А. В. Головнин в феврале 1862 года командировал профессора К. Д. Кавелина во Францию, Швейцарию и Германию «для собрания разных сведений касательно устройства учебной части и мнений известных иностранных ученых и педагогов относительно составленного особою Комиссиею проекта университетского устава»³.

Результаты своих исследований особенностей университетской организации в западноевропейских странах К. Д. Кавелин обобщил в статьях об университетах Франции⁴ и Германии⁵, которые были напечатаны в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Русском вестнике». Кроме того, некоторые из своих наблюдений о французском

¹ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862; Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863.

² В октябрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1862 г. сообщалось, что в февральской книжке данного издания было приведено «распоряжение о рассылке составленного в начале нынешнего года проекта университетского устава на рассмотрение в советы университетов и к некоторым посторонним лицам, замечания которых, по их образованию и опытности, могли бы быть полезны в этом деле. Ныне замечания эти напечатаны уже при Министерстве народного просвещения в двух больших томах и разосланы в библиотеки всех высших и средних учебных заведений Министерства народного просвещения, как живые памятники современного взгляда наших ученых на цель и способы устройства отечественных университетов» (ЖМНП. 1862. Ч. 116. № 10. Часть официальная. С. 73–74).

³ ЖМНП. 1862. Ч. 113. № 2. Часть официальная. С. 60. К. Д. Кавелин безвыездно пребывал за границей до ноября 1864 г.

⁴ См.: Кавелин К. Д. Очерк французского университета // ЖМНП. 1862. Ч. 114. № 6. Отдел 1. С. 141–167; Ч. 115. № 7. Отдел 1. С. 1–44; Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 99–168. *Его же*. Устройство и управление немецких университетов // Русский вестник. 1865. Том 56. № 2. С. 516–559; № 3. С. 53–92.

⁵ См.: Кавелин К. Д. Свобода преподавания и учения в немецких университетах // ЖМНП. 1863. Ч. 117. № 3. Отдел 3. С. 408–431; Ч. 118. № 4. Отдел 3. С. 131–155. А также: Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 3: Наука, философия и литература. СПб., 1899. С. 5–91. *Его же*. Устройство и управление немецких университетов // Русский вестник. 1865. Том 56. № 2. С. 516–559; № 3. С. 53–92. А также: Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 3. С. 92–212.

университете Константин Дмитриевич изложил в личных письмах к А. В. Головину¹.

Главный свой вывод о состоянии французской университетской организации Константин Дмитриевич сформулировал после того, как завершил работу над «Очерком французского университета». В октябре 1862 года он писал А. В. Головину: «Чем далее я подвигался в этой работе и глубже вникал в дело, тем больше и больше утверждался во взгляде, который составил себе в самом начале моего пребывания в Париже, по первому, беглому обозрению здешней учебной организации. Теперешнее устройство французского университета не есть применение общих, здравых начал учебного управления к местным и национальным особенностям Франции; напротив, она — явление ненормальное, плод чрезвычайных обстоятельств и условий, неблагоприятных для правильного развития народного просвещения, явление исключительное, чисто местное, надобно надеяться преходящее, и потому едва ли представляет образец, достойный подражания»².

В устройстве немецких университетов Кавелин также увидел немало чисто местного, неподходящего для России. Но в целом немецкий опыт организации университетской жизни он считал значительно более полезным для российских университетов. Впрочем, он был не единственным, кто придерживался такого мнения. В течение 1862–1863 годов в «Журнале Министерства народного просвещения» была напечатана целая серия работ по истории и современному состоянию западноевропейских университетов. И самой значительной из них стала работа В. В. Игнатовича «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни», опубликованная в виде статей на протяжении почти двух лет³.

Проект нового университетского устава предполагал создание в российских университетах множества новых кафедр. Министр А. В. Головин заранее позаботился о том, чтобы они не остались без профессоров. Десятки молодых людей, завершивших университетский курс обучения

¹ См.: Извлечение из письма профессора Кавелина к управляющему Министерством народного просвещения из Парижа от 3/15 мая 1862 года // ЖМНП. 1862. Ч. 114. № 5. Отдел 1. С. 114–125; Извлечение из письма К. Д. Кавелина от 4/16 октября 1862 года // ЖМНП. 1862. Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 183–195.

² ЖМНП. 1862. Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 183.

³ См.: ЖМНП. 1862. Ч. 115. № 9. Отдел 1. С. 222–253; 1863. Ч. 117. № 1. Отдел 3; ч. 118. № 4. Отдел 3. С. 96–130; № 5. Отдел 3. С. 203–244; 1864. Ч. 121. № 1. Отдел 3. С. 116–134; № 3. Отдел 3. С. 184–206; Ч. 122. № 5. Отдел 3. С. 83–119; № 6. Отдел 3. С. 121–172.

и проявивших способности к научной и преподавательской деятельности, были направлены им на стажировку в лучшие западноевропейские университеты с тем, чтобы за время, оставшееся до введения в действие нового устава, они смогли подготовиться к занятию преподавательских должностей в преобразованных отечественных университетах¹.

21 июня 1862 года император Александр II повелел, на основании доклада управляющего Министерством А. В. Головина, Ученому комитету Главного правления училищ, «по получении ожидаемых замечаний на проект университетского устава», рассмотреть эти замечания, переделать проект и составить штаты университетов, «приглашая в свои заседания и других способных лиц, кроме членов Ученого комитета»².

Первое, предварительное, заседание Ученого комитета прошло 27 июня 1862 года. На следующем заседании, состоявшемся 20 июля, был определен порядок его работы. За образец был взят тот, который применялся редакционными комиссиями по крестьянской реформе. Каждому из членов Ученого комитета было поручено доработать какой-либо отдел проекта нового университетского устава. По завершении работы над своим отделом устава он должен был внести на рассмотрение всего Комитета прежние варианты его статей с добавлением свода высказанных относительно их мнений и собственных замечаний и выводов, а также новую редакцию этих статей, если в ней возникала потребность. После обсуждения новой редакции статей всем Комитетом планировалось составление окончательной редакции проекта университетского устава³.

Намечая план дальнейшей своей работы над проектом нового Университетского устава, Ученый комитет признал необходимым обсудить на специальных заседаниях следующие вопросы: 1) «о значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях»; 2) «о правах университетов и служащих в них, включая сюда и вопрос о пенсиях»; 3) «о преподавателях университетов (их степени, приготовление, избрание, определение, увольнение; вопрос о приват-доцентах и гонорарии)»; 4) «о ректоре и деканах»; 5) «о чиновниках университета по административной и хозяйственной частям, об обязанностях учащихся и об отношении их к университетскому начальству»; 6) «об отношении попечителей

¹ См.: Список кафедр по проекту нового университетского устава, с означением кто командирован за границу для приготовления по каждой из кафедр // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 179–186.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3: Царствование императора Александра II. 1855–1864. Стлб. 780–781.

³ Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 2–3.

к университетам, совете и факультетских собраниях»; 7) «Об ученых степенях»; 8) «о лекциях, задачах и испытаниях»; 9) «о штатах университетов»; 10) «об устройстве физико-математического факультета и об учебно-вспомогательных учреждениях онаго»; 11) «о приеме в университет, о стипендиях и единовременных пособиях»; 12) «о составе юридического факультета»; 13) «о составе историко-филологического факультета»¹.

На заседании Ученого комитета, состоявшемся 14 октября 1862 года, его член, исправляющий должность экстраординарного профессора юридического факультета Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевский зачитал свою записку по вопросу «о значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях». В ней было подвергнуто критическому анализу определение университета, представленное в первом параграфе проекта нового Университетского устава, и его обоснование в объяснительной записке комиссии, занимавшейся этим документом. «Университет, — говорилось в указанном параграфе проекта, — есть высшее учебное учреждение, состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого». Мотивируя данное определение, составители проекта устава сообщили, что признали «необходимым удержать за университетами цель, которую они имели доне, т. е. что университеты должны быть высшими учебными учреждениями для образования молодых людей, получивших и доказавших познания, необходимые для понимания и отчетливого усвоения лекций». Андреевский оценил данное объяснение как недостаточное, не поясняющее причины, по которым университет должен состоять из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого. «Не лучше ли, — вопросил он, — высшим учебным установлениям явиться в виде отдельных факультетов, не составляющих одного нераздельного целого, не лучше ли из факультетов университета образовать отдельные специальные школы?»² Этот вопрос, подчеркнул Иван Ефимович, требует точнейшего разрешения, поскольку университеты, вследствие некоторых беспорядков, вызвавших закрытие университета в Санкт-Петербурге, стали

¹ Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. № 1. Заседания 20 июля и 14 августа; № 2. Заседание 28 августа. СПб., 1862. С. 3, 5, 7. В данное издание помимо журналов заседаний вошли приложения к этим журналам. Каждый журнал и приложения имеют свою нумерацию страниц.

² Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. Приложение к журналу № 1. С. 1–2.

казаться установлениями опасными для государственного порядка, и многие лица, считающие себя серьезными судьями в деле образования, предлагают вместо университетов устроить факультеты отдельно или создать специальные школы.

Отвечая на подобные мнения, Андреевский заметил: «Жизнь всех университетов, как и их значение, представляют много общего. В их историческом существовании мы встречаем, между прочим, такое замечательное явление: всякий раз, когда общество начинают волновать какие-нибудь идеи, могущие потрясти порядок общественный, начинается борьба против университетов, в них начинают искать источника общих беспокойств и представляют различные планы к замене университетов чем-либо другим»¹. В качестве примера он привел ситуацию, сложившуюся в Германии в 30-х годах XIX века, когда поднялись со стороны различных партий, даже противоположных — крайних либералов и крайних консерваторов — возгласы против университетов: первые называли их окаменелостями, отсталыми, противниками движения, вторые усматривали в них источники беспорядков, считали их проводниками разрушительных начал, особенно по отношению к религии; обе партии сходились в требовании уничтожения университетов и замене их специальными школами. Тогда поднялись в защиту университетов крупнейшие немецкие ученые и отстаивали их, показав, какое огромное значение имели они для Германии.

Русские университеты, продолжал ученый, хотя и действуют по настоящему фактически только с XIX века, тоже принесли «неисчислимую пользу обществу». Ими подготовлено целое поколение, которое «отвратилось от крепостного права и так облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел русской истории — эмансипацию; ими подготовлено поколение, которое осознало необходимость реформы судостроительства и судопроизводства, и ждет уже, готовое и знающее, помочь правительству в приведении и этой великой идеи в исполнение; ими подготовлено поколение, которое разрабатывает самостоятельно и широко науку, изучает исторические, этнографические, географические условия отчизны, экономические явления страны, — словом, все ветви наук, в знании которых так нуждаются государство и общество»².

Все содержание записки, составленной И. Е. Андреевским для членов Ученого комитета по разработке проекта нового университетского устава,

¹ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 2.

² Там же. С. 3–4.

было проникнуто мыслью о том, что главное значение университетов заключается в создании условий для «самостоятельного и стройного развития науки». «Отдельные специальные школы, представляющие много выгодных сторон, — отмечал он, — имеют тот существенный недостаток, что не могут составить сферы для полного и самостоятельного развития науки». Цель специальных школ, по его словам, «совсем иная: их цель не движение науки, а, напротив, применение добытых наукою начал к практическим, хлебным целям человека»¹. И только в университетах впервые появилось верное воззрение на науку, только здесь «науку перестали признавать, как средство для достижения той или другой жизненной цели»², только здесь «науку стали рассматривать, как принадлежность области человеческого духа, и следовательно, не как средство, а как цель человеческой жизни»³.

Мысли Андреевского о задачах университетов имели прямое отношение к университетскому юридическому образованию: из них вытекало совершенно определенное представление о главном назначении юридических факультетов. Оно должно было заключаться, в соответствии с таким пониманием сущности университета, *в подготовке не просто юристов, но людей, способных развивать научную юриспруденцию.*

Иван Ефимович считал, что «многие, смотрящие на науку только как на совокупность полезных сведений для человека и не возвышающиеся до верного воззрения на нее, не в состоянии правильно посмотреть и на задачу университета. Они думают, что дело университета — передать слушателям совокупность имеющихся у людей сведений в данное время, но не в этом задача университетов: их дело — не передать только то или другое количество сведений, но доставить слушателям возможность войти в самую науку в высшем ее смысле, осознать жизнь науки, вдуматься в ее самостоятельные элементы, сделаться живым и самостоятельным участником в самом движении идеи»⁴.

Университетский преподаватель должен, по мнению Андреевского, не только давать студентам сведения, добытые наукой, но и делать в своих лекциях научные открытия, показывать слушателям «основания для возможности движения науки, уяснения истины. Наука, подчеркивал он, «не представляет чего-либо готового, законченного, но, напротив, яв-

¹ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

ляется живым организмом, движущимся, изменяющимся, и породнение человека с этою жизнью есть дело истинного научного преподавания»¹.

Большим преимуществом университета по сравнению со специальной школой Андреевский полагал его внутреннее устройство, обеспечивавшее связь наук. По его словам, «только там и может быть надлежащим образом сознана и преподана отдельная ветвь наук, где преподаются и остальные ветви наук. Как ни различны ветви наук юридических, математических или филологических, но философски образованные филологи всегда могут понять те философские мотивы, которые представляются юристами или математиками относительно преподавания юридических или математических наук... Сколько раз юристу для объяснения себе специально-юридического вопроса необходимо изучать законы филологии или истории, или историку, философу — законы механики или математики и т. п.»². С другой стороны, отмечал Иван Ефимович, подготовительное образование требует от студентов изучения наук, «прямо и не относящихся к избранному ими специальному отделу наук, но без которых они не в состоянии понять наук своей специальной ветви». Все это вызывает необходимость такого устройства университетов, при котором специальные факультеты действовали бы не отдельно, но росли бы на общем для них корне. Существо университетского факультета определяется, по мнению Андреевского, тем, что «университеты не имеют в виду прямо чего-либо реального, хлебно-практического; они не должны доставлять слушателям простую совокупность научных сведений; их цель — полнейшее развитие и возвышение силы научности, воспринимания науки, потому они заботятся о широком развитии научного духа и насаждении его в слушателях; они стремятся не научить чему-нибудь определенному, но научить учиться, дать искусство усвоить науку; университет не только приготавливает специалистов, как врачей, юристов, филологов, математиков, но он приготавливает из всех них одно общее — ученых»³. После этих слов Андреевский привел высказывание знаменитого немецкого правоведа Фридриха Карла Савиньи: «Университеты — единственные установления, допускающие, по своей организации, возможность каждому талантливому преподавателю самостоятельно развиваться, а слушателю развернуть свои способности; это — единственные установления, в которых природы даровитые легко сознают свое высокое призвание, а природы

¹ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 6–7.

² Там же. С. 7, 8.

³ Там же. С. 9.

и ограниченные могут получить возвышенный взгляд на свою жизненную деятельность», и суждение философа Иоганна Готлиба Фихте, назвавшего университет «важнейшим и священнейшим установлением, которым владеет человечество (*wichtigste Anstalt und das heilige ist, was das Menschengeschlecht besitzt*)»¹.

Проводя в своей записке мысль, что наука может получить развитие только в университетах, Андреевский выражал тем самым убеждение в том, что ликвидация университетов, замена их специальными школами приведет к разрушению науки. А это в свою очередь повлечет за собой негативные последствия для общества и государства, поскольку правильное их развитие «находится в прямой зависимости от правильного и самостоятельного развития² науки: залог каждой общественной и государственной деятельности есть действительное знание. Наибольшая язва в государстве и наибольшая опасность для государственной жизни, для государственного порядка заключается в полузнании, в поверхностных сведениях. Никакое неразумное предприятие, гибельное для общественной или государственной безопасности, не будет страшно для государства, в котором действует наука: она одна только в состоянии разоблачить ложность начал поднимающейся грозы и рассеять попытки практического ее осуществления. Оттого-то каждое правительство имеет живое призвание содействовать всеми, имеющимися у него средствами самостоятельному развитию в своей стране науки»³.

В качестве примера, демонстрирующего пагубность для науки уничтожение университетских корпораций, Андреевский привел Францию, где при Наполеоне Бонапарте университеты лишены были корпоративной самостоятельности и превратились, по существу, в специальные школы. Результатом этой реформы стало исчезновение во Франции интеллектуальной среды, в которой только и может вырасти настоящий ученый. Такая среда сохранялась в Германии, поэтому именно в германских университетах вынуждены были получать с тех пор свое образование французские ученые.

Подобные факты давали Андреевскому основание «смело утверждать, что всякий, кому дорого благополучие России, кто желает сохранения

¹ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 10.

² В источнике напечатано слово «господство», однако, на мой взгляд, это произошло по ошибке. В данном контексте наиболее подходящее слово — «развитие», поэтому следует читать: «...от правильного и самостоятельного развития науки...».

³ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 10.

государственного порядка, кто хочет своею жизнью и делом содействовать верховной государственной власти, тот согласится, что главнейшее благо России заключается в точнейшем и самостоятельном развитии науки, а следовательно, в развитии и полнейшем усовершеннии Русских университетов, а не в замене их специальными школами: заменить в России университеты специальными школами, — значит убить науку, а убийение в России науки тождественно с разрушением ее государственной жизни, с воцарением произвола страстей и анархии»¹.

Доводы в подкрепление своего взгляда на университет И. Е. Андреевский находил и в истории формирования университетского образования в России. Он обращал внимание на то, что целью первого русского университета, учрежденного Елизаветой Петровной в Москве в 1755 году, было именно создание условий для развития наук. В качестве доказательства Иван Ефимович привел следующие слова из Именного указа императрицы «Об учреждении Московского университета и двух гимназий», изданного 24 января 1755 года: «*Но как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то следовательно нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук, возрастало в пространной Нашей Империи всякое полезное знание*»². Выражением взгляда на университет как на установление, призванное развивать науку, Андреевский считал и определение университета, данное в первом параграфе Уставов Московского, Казанского и Харьковского университетов, принятых 5 ноября 1804 года. Университет назывался в нем *высшим ученым сословием, для преподавания наук учрежденным*.

Любопытно, что при обсуждении проекта нового Университетского устава, разработанного к началу 1862 года комиссией под председательством Е. Ф. фон Брадке, Советы российских университетов единодушно высказались в пользу взгляда на университет как на учреждение, призванное развивать науки. Так, Совет Московского университета представил в Ученый комитет следующее соображение относительно определения данного рода учебного заведения: «Имея в виду, что деятельность университета состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки; что университет возводит в ученые степени; что в числе его обязанностей находится содействие к изданию ученых сочинений; что при университете состоят ученые общества, — совет большинством 17-ти голосов

¹ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 12.

² 1-ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 284–285. См. также: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Сост. и автор вступ. статьи В.А. Томсинов. М., 2009. С. 171–172.

полагает изменить § следующим образом: Университет есть *высшее учебное* и учебное учреждение и т. д. Меньшинство 15-ти членов, соглашаясь со всеми этими доводами, но полагая, что ученые учреждения не могут разделяться по степеням, находит более уместным: выражение *высшее учебное и учебное учреждение* заменить выражением: *учебное и высшее учебное заведение*¹.

Совет императорского Харьковского университета выступил за то, чтобы университет в новом Университетском уставе был снова назван «ученым сословием». В замечаниях по проекту устава, направленных им в Ученый комитет, говорилось: «Совет Харьковского университета, находя в Уставе 1804 года руководящие начала относительно устройства Русских университетов, счел за нужное изменить § 1 нового проекта. Комиссия называет университет высшим учебным учреждением; в Уставе 1804 г. он назван “высшим учебным сословием, для преподавания наук учрежденным”. Выражение “сословие” в нашем законодательстве издавна употреблялось не только для означения дворянства, духовенства и других привилегированных классов в обществе, но также в смысле коллегии, т. е. юридического лица или собирательного, признанного в государстве и преследующего, в силу данного полномочия, известную гражданскую цель. Так, Сенат, Академия наук и прочие носят у нас издавна официальное название сословий. Совет не видит никакой надобности отступать от первоначальной мысли законодателя, которому принадлежит честь основания почти всех Русских университетов. Если бы император Александр I имел в виду учредить под именем университета только школу, то он бы не затруднился дать им обыкновенный титул, напр., назвал бы их высшими училищами. Указанные выше соображения побудили Совет Харьковского университета выразить § 1 так, как он выражен в Уставе 1804 года»². Предложенный харьковчанами вариант первого параграфа нового Университетского устава гласил: «Университет есть *высшее учебное сословие, учрежденное для преподавания наук* и состоящее из определенного числа факультетов как нераздельных частей одного целого»³.

И. Е. Андреевский не согласился с определениями, предложенными Советами Московского и Харьковского университетов. «Хотя деятельность университета, — заметил он, — состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки, в содействии к изданию ученых сочинений, но это

¹ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 243–244.

² Там же. С. 281.

³ Там же.

все обязанности высшего учебного заведения»¹. Название же университета «ученым сословием» он отверг потому, что оно относилось только к преподавателям. По его мнению, лишь определение университета как «*высшего учебного заведения*» включает в себе «надлежащую полноту и ясность: под ним разумеются и преподаватели, составляющие ученое сословие университета, и слушатели университета, к ученому сословию не принадлежащие»².

Подводя итог рассуждениям о сущности университета и определении его в проекте нового Университетского устава, И. Е. Андреевский признал формулировку первого параграфа проекта нового Университетского устава вполне удачной и предложил Ученому комитету заменить в ней только одно слово, а именно: «учреждение» на «установление». Под «учреждением», пояснил он, «разумеется совокупность законов о составе, предметах ведомства и власти какого-либо установления; учреждение то же, что закон». Свою записку «О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях» он завершил предложением изложить первый параграф в Новом Университетском уставе следующими словами: «*Университет есть высшее учебное установление, состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого*»³.

На заседании 28 августа 1862 года Ученый комитет по разработке проекта нового Общего устава российских университетов рассмотрел вопрос об университетском управлении: ректоре, деканах, совете, факультетских собраниях, а также о правах попечителя.

На заседании, состоявшемся 4 сентября, председатель Ученого комитета А. С. Воронов зачитал записку, которая содержала свод мнений, высказанных на главы проекта «Об ученых степенях» и «Об ученых званиях». Большинство лиц, высказавших замечания по этим главам, и членов Ученого комитета выступили за сохранение прежних трех степеней: кандидата, магистра и доктора, но некоторые предложили уничтожить степень магистра, оставив только кандидата и доктора.

11 сентября члены Ученого комитета выслушали записку со сводом мнений, высказанных о составе историко-филологического факультета.

14 сентября Ученому комитету была представлена составленная на основании замечаний на проект нового Университетского устава записка об особых мерах для подготовки университетских преподавателей,

¹ Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 16.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 16.

о разрядах этих преподавателей, об условиях получения преподавательских званий, об условиях, необходимых для развития института приват-доцентов.

В записке констатировалось, что до сих пор потребность российских университетов в квалифицированных преподавателях удовлетворялась, в основном, путем приглашения в Россию иностранных ученых и отправления за границу для совершенствования в науках молодых людей, получивших образование в России. Оба эти способа пополнения университетов научными кадрами оказались недостаточными, и лучшим средством всеми стало теперь почитаться, «вместе с улучшением материального быта профессоров и предоставлением студентам возможности более специальных научных занятий, возможно большее развитие звания приват-доцентов». Записка выражала надежду, что этот разряд преподавателей станет резервуаром для пополнения «ученого университетского сословия лицами, представившими ручательство за свое научное и нравственное достоинство», что он оживит российские университеты «притоком новых и свежих сил, даст возможность к введению специальных курсов, своей конкуренцией поддержит в штатных профессорах рвение к науке и ее преподаванию, устранил поводы к неудовольствию университетских слушателей доставлением возможности выбора между преподавателями»¹.

18 сентября 1862 года на заседании Ученого комитета рассматривалась записка по вопросу об обязанностях учащихся в университетах, 21 сентября — свод мнений о правлении университета, 25 сентября — свод замечаний о приеме в университет, 28 сентября — свод мнений относительно порядка определения и увольнения университетских преподавателей, на следующий день членам Ученого комитета читалась записка со сводом замечаний о ректоре и деканах, 2 октября преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета Федор Николаевич Панов представил им свод замечаний *о составе юридического факультета университетов*.

§ 2. Дискуссия об учебной программе юридического факультета

Изложив замечания по каждой кафедре, он предложил сформулировать § 14 нового Университетского устава, определяющий программу

¹ Журнал заседания Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. № 5. Заседание 14 сентября // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 2.

преподавания юридических наук в российских университетах, в такой редакции:

«В юридическом факультете полагаются следующие кафедры и науки: 1) Энциклопедия *правоведения*: а) энциклопедия юридических и политических наук, б) история философии права. 2) История *важнейших* иностранных законодательств древних и новых. 3) История русского права. 4) История славянских законодательств. 5) Римское право: а) история римского права, б) догматика римского гражданского права, в) византийское право. 6) Государственное право: а) *теория государственного права*, б) государственное право *важнейших иностранных государств*, в) русское государственное право. 7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство. 8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство. 9) *Полицейское право*: а) *учение о безопасности (законы благочиния)*, б) *учение о благосостоянии (законы благоустройства)*. 10) *Финансовое право*: а) *теория финансов*, б) *русское финансовое право*. 11) Международное право. 12) Церковное право. 13) Политическая экономия»¹.

В примечаниях к данному параграфу было предусмотрено введение должностей «отдельных преподавателей» для преподавания «торгового права», «юридической практики», также для преподавания «судебной медицины и медицинской полиции».

Общий устав российских университетов 1835 г. предусматривал, как известно, всего семь кафедр на юридическом факультете. Проект нового Университетского устава — почти в два раза больше. На такое же количество должно было увеличиться соответственно и число преподавателей.

Представляя членам Ученого комитета перечень кафедр юридического факультета, Ф. Н. Панов считал необходимым заметить, что он является «только как бы очерком того приблизительно полного состава наук юридического факультета, который желателен в настоящее время для наших университетов»². Эти слова выражали понимание невозможности построить юридическое образование в различных российских университетах по общему для всех и неизменяемому с течением времени плану. Вместе с тем они приглашали к свободной дискуссии по вопросу о том, каким должно быть по своему содержанию университетское юридическое образование.

¹ Журнал заседания Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. № 11. Заседание 2 октября // Там же. С. 2–3.

² Там же. С. 2.

Обсуждение российскими правоведами вопроса о том, какие кафедры должны быть предусмотрены Общим уставом российских университетов для юридического факультета, вылилось в дискуссию о сущности тех или иных юридических наук, их значении для образования юристов и месте в учебной программе.

Кафедра энциклопедии правоведения в первоначальном варианте проекта нового университетского устава называлась кафедрой энциклопедии законоведения. Изменение в ее названии было сделано по предложению Совета Харьковского университета¹. Комментируя его в своем выступлении на заседании Ученого комитета, Ф. Н. Панов счел необходимым сказать: «Хотя существо, а не название предмета составляет главное в деле науки, но нельзя, по нашему мнению, не согласиться с тем, что правильное будет назвать энциклопедию законоведения энциклопедией правоведения, так как эта наука имеет целью ознакомить учащихся с общими философскими понятиями о *праве*, а не только о *законе*»². Совет Киевского университета предложил для этой науки название «энциклопедия права»³. Ф. Н. Панов заметил на это, что «в настоящем случае слово *правоведение* точнее определяет предмет науки энциклопедии, чем более отвлеченное слово *право*»⁴.

Совет Московского университета, соглашаясь с первоначальным названием указанной науки «энциклопедией законоведения», предложил разделить ее на: 1) «юридическую энциклопедию» и 2) «историю философии права»⁵. Ученый комитет посчитал такое понимание содержания данной науки слишком узким, признав, что политические науки также важны для юриста и лекции по энциклопедии «должны знакомить учащихся с этими науками подробнее, чем то определялось по университетскому уставу 1835 года»⁶. А бывший преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета Борис Исаакович Утин отметил в своих замечаниях на проект нового университетского устава, что «эн-

¹ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 289.

² *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 368.

³ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 27.

⁴ *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 368 (прим.).

⁵ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 245.

⁶ *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 367.

циклопедию юридических и политических наук следует сделать обязательною для студентов всех факультетов, так как одно из самых грустных явлений, встречающихся между вообще образованными людьми Русского общества, это совершенное непонимание азбуки юридических и гражданских отношений»¹.

Изучение энциклопедии правоведения должно было способствовать выработке у студентов элементарных понятий о праве, о его сущности и значении в общественной жизни, о связи правовых норм с правилами нравственности. Оно призвано было дать им первичные представления об источниках и отраслях права, о факторах, определяющих его развитие. Вместе с тем проект нового устава предусматривал преподавание в рамках энциклопедии правоведения такой дисциплины, как история философии права, показывавшей развитие теоретических воззрений на право и государство с древности и до нового времени. Логичным дополнением к энциклопедии правоведения при таком ее понимании была наука о развитии реально существовавших в разных странах и в различные эпохи правовых систем.

В учебной программе юридического факультета, представленной в проекте нового университетского устава, науку истории права воплощали такие предметы, как: «история римского права», «история славянских законодательств», «история русского права». Для преподавания последних двух отводились отдельные кафедры. Вместе с тем самостоятельная кафедра выделялась и для чтения лекций по «*истории важнейших иностранных законодательств древних и новых*». Преподавание этой научной дисциплины придавало юридическому образованию в российских университетах по-настоящему фундаментальный характер.

Кафедра истории важнейших иностранных законодательств древних и новых не была предусмотрена в Общем уставе российских университетов 1835 года. Но это не означало, что иностранное право с тех пор не изучалось будущими русскими юристами. История и основные понятия государственного, гражданского и уголовного права европейских держав преподавались в курсах энциклопедии законоведения, гражданских и уголовных законов. В ноябре 1859 года министр народного просвещения издал распоряжение о создании на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета *кафедры сравнительной истории положительных законодательств*². Исправляющим должность экстраорди-

¹ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 132.

² Григорьев В. В. Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 168.

нарного профессора по этой кафедре был назначен магистр Дерптского университета Б. И. Утин. В ноябре 1861 года он покинул университет, сославшись на болезнь, но полуторагодовалый опыт преподавания указанной науки позволил ему ясно понять ее роль в образовании современных юристов.

При обсуждении проекта нового университетского устава Б. И. Утин представил в Ученый комитет специальную записку «О значении кафедры истории иностранного законодательства для русских университетов». В ней Борис Исаакович показал, что наличие подобной кафедры на юридических факультетах в полной мере соответствует сущности университетского юридического образования. «Необходимость особой кафедры истории иностранных законодательств, — подчеркивалось в его записке, — обуславливается прежде всего самыми потребностями юридического образования в России. Это образование имело и будет иметь преимущественно теоретический характер. Только благодаря этому теоретическому характеру образования юридические факультеты наши будут оказывать, как до сих пор оказывали, свое благотворное влияние на общественную среду. Век нашей легальной юриспруденции, юриспруденции указов, век Горюшкиных старых и новых, безвозвратно прошел. И чем более будет возвышаться наш юридический быт, тем более он будет чувствовать нужду не в одних только дельцах и не в одном усвоении канцелярских форм и обрядов, но и в юристах, соединяющих знание отечественного законодательства с хорошим общим юридическим образованием. Только из них выходят со временем дельные судьи и адвокаты, способные слуги государству»¹.

В заключительной части своей записки Б. И. Утин подчеркивал, что самостоятельная кафедра истории иностранного законодательства стала особенно необходимой на юридических факультетах российских университетов с начала 60-х годов, когда во всех сферах российского общества развернулись реформы, требующие внесения перемен в основные отрасли действующего права. При каждой такой реформе, отмечал он, возникает прежде всего вопрос о том, «какое законодательное начало действует в этом отношении в других более цивилизованных странах?». Курс истории законодательства иностранных держав позволяет, по его словам, «по крайней мере, знать, как исторически образовались и какое значение имеют на родной их почве те начала законодательства,

¹ Утин Б. И. О значении кафедры истории иностранных законодательств для Русских университетов // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 467.

воспользоваться которыми мы считаем полезными при служении нашей родине»¹.

Обсуждение вопроса о кафедре истории важнейших иностранных законодательств древних и новых в Университетских советах и в Ученом комитете Министерства народного просвещения показало, что необходимость изучения такой дисциплины студентами юридического факультета никем не ставилась под сомнение. Однако два участника обсуждения выступили с предложением сосредоточить ее преподавание в рамках кафедры энциклопедии правоведения.

Совет Университета Св. Владимира написал в своих замечаниях на проект нового устава: «Кафедра энциклопедии законоведения разделена в проекте на энциклопедию юридических и политических наук и историю философии права. Имея в виду, что энциклопедия права обыкновенно излагается студентам 1-го курса, юридический факультет находит более согласным с целью преподавания и развитием слушателей соединить эту науку с историей иностранных законодательств древних и новых. Эта последняя наука будет доступнее для слушателей и даст им более твердые основания для дальнейшего изучения права, нежели история философии права»².

Член Ученого комитета Василий Васильевич Шнейдер, также выступивший против создания на юридическом факультете самостоятельной кафедры истории важнейших иностранных законодательств древних и новых, в качестве обоснования своей позиции привел несколько иные соображения. «Если историю важнейших иностранных законодательств, — заявил он, — хотят проходить только в самом кратком виде, то всего лучше отнести ее к лекциям энциклопедии. Если же она должны быть излагаема подробно... то потребовалось бы, по крайней мере, 10-летнее преподавание, чтобы дойти только до истории законодательств новейших народов, для изложения которой, при более обильных против древних источниках, понадобилось бы от 20 до 30 лет»³.

Ф. Н. Панов, выражая мнение большинства членов Ученого комитета, ответил на приведенное замечание Совету Университета Св. Владимира следующим образом: «По нашему мнению, невозможно соединять с энциклопедией правоведения такой обширный предмет, какой

¹ Утин Б. И. О значении кафедры истории иностранных законодательств для Русских университетов. С. 480.

² Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 27–28.

³ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. СПб., 1862. С. 96.

составляет история иностранных законодательств (даже только важнейших): потому что основательное ее изложение потребует от преподавателя многих лекций в неделю, которые он должен будет уделять этой науке в ущерб преподаванию энциклопедии; если же ограничиться только поверхностным изложением истории иностранных законодательств, то такое преподавание не принесет никакой почти пользы учащимся, между тем как основательное знание этой науки для юриста необходимо и оно делается особенно полезным для него, если в преподавание будет введен сравнительный метод изложения»¹.

В ответ же на заявление В. В. Шнейдера о том, что потребуется будто бы не менее 10 лет для подробного преподавания истории законодательств древних народов и от 20 до 30 лет для изложения истории законодательств новейших народов, Ф. Н. Панов сказал, что он «смешивает то обширное и всестороннее изучение предмета, со всеми его мельчайшими подробностями, которое должен иметь в виду специалист-ученый, по предмету его тесной специальности, с тем знанием, которое обязан преподавать своим слушателям профессор, чтобы возбудить в них дух научности, развить способность воспринимания науки и тем сделать их способными к научной самодеятельности»².

Совет Харьковского университета поддержал идею создания на всех юридических факультетах российских университетов кафедры истории важнейших иностранных законодательств древних и новых, но предложил соединить с этим предметом историю правоведения. В поддержку этой идеи выступил и Совет Московского университета. В подготовленном им варианте § 14 нового университетского устава указанная наука и кафедра была названа более коротко — «история важнейших иностранных законодательств» и к ней была добавлена в качестве еще одной самостоятельной кафедры «государственное право важнейших иностранных держав». При этом было отмечено, что «отдельная кафедра по этому предмету уже существует в Московском университете»³.

Ученый комитет на основании всех высказанных по этому вопросу замечаний счел необходимым сохранить в проекте нового университетского устава кафедру истории важнейших иностранных законодательств древних и новых.

¹ Панов Ф. Н. О составе юридического факультета // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 369.

² Там же. С. 370.

³ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 245.

Следующая за ней кафедра в первоначальном варианте проекта называлась «история русского права и других славянских законодательств и обзор местных законов в России». Почти все участники обсуждения его высказались против соединения этих предметов. В результате Ученым комитетом было принято решение о разделении их на две кафедры: 1) «*история русского права*» и 2) «*история славянских законодательств*». Что же касается местных законов, то было признано целесообразным отдать вопрос об учреждении для их преподавания отдельной кафедры на усмотрение университетов, которые могут принять решение об этом исходя из местных потребностей.

При рассмотрении структуры *кафедры римского права* Ученый комитет отверг предложение изъять из перечня преподаваемых в ее рамках дисциплин византийское право, высказанное попечителем Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте¹ и В. В. Шнейдером².

Во время обсуждения вопроса о *кафедре государственного права* Ученый комитет, опираясь на мнения профессоров И. И. Ивановского и В. Д. Спасовича, признал целесообразным изменить наименование предназначенной для преподавания в ее рамках науки «общего государственного права», назвав ее наукой «теории государственного права»³.

Предусмотренную первоначальным проектом кафедру гражданского права Совет Московского университета и профессор В. Н. Лешков предлагали именовать кафедрой русского гражданского права⁴. Ученый комитет не принял этого предложения, указав, что названием «гражданское право» «выражается мысль — не ограничивать преподавание гражданского права одним русским гражданским правом»⁵. При этом он счел необходимым соединить гражданское право с гражданским судопроизводством и судопроизводством в рамках одной кафедры — *гражданского права и гражданского судопроизводства и судопроизводства*⁶.

Наука уголовного права в первоначальном проекте нового университетского устава была объединена в рамках одной и той же кафедры

¹ Федор Федорович Витте (1822–1879) был братом отца известного русского государственного деятеля времен Александра III и Николая II Сергея Юльевича Витте.

² До конца 1861 г. В. В. Шнейдер занимал должность профессора римского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

³ *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 375.

⁴ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 246; Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. С. 395.

⁵ *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 375.

⁶ Там же. С. 376.

с науками полицейского права и уголовного судопроизводства. Все, кто высказал замечания относительно данной кафедры, признали необходимым устранить из нее полицейское право. Объясняя свою позицию, экстраординарный профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета Иван Ефимович Андреевский отмечал, что полицейское право имеет мало общего с уголовным правом, «так как теория каждого из этих прав черпает свои начала не из одного общего источника, но из различных. Уголовное право есть наука о преступлениях и наказаниях, а полицейское право или, как оно у нас обыкновенно называется, наука о законах государственного благоустройства и благочиния, есть наука о безопасности и благосостоянии граждан. Опасности для граждан могут быть двойки: или зависящие от злой воли человека или вовсе независящие от воли человека; меры предупреждения и удаления первого рода опасностей рассматриваются в учении о предупреждении и пресечении преступлений, что до сих пор (Уставом 1835 г.) было связано с кафедрой уголовного права; учение об удалении и предупреждении опасностей второго рода, т. е. о законах благочиния, составляет первую часть полицейского права — *полицию безопасности*, которая и заключает в себе учение: о достаточном количестве народонаселения (популяционистика), о предупреждении и излечении болезней (медицинская полиция), об обеспечении народного продовольствия и об общественном призрении бедных. Вторая часть полицейского права — *полиция благосостояния*, заключающая в себе учение о законах государства, благоустройства, разделяется в свою очередь на две части: 1) учение о правительственных мерах для доставления народу духовного благосостояния, именно: о заботах для доставления народу развития религиозного, нравственного, эстетического и умственного; 2) учение о правительственных мерах для доставления народу материального благосостояния, именно: о заботах относительно развития земледельческой, мануфактурно-ремесленной и торговой промышленности»¹.

Совет Московского университета выступил за отделение от уголовного права не только полицейского права, но также уголовного судопроизводства и учреждение для преподавания этой науки отдельной кафедры. Совет Ришельевского лицея в Одессе высказал аналогичное мнение, заметив, что «уголовный процесс и практические занятия непременно требуют особой кафедры»².

¹ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 140.

² Панов Ф. Н. О составе юридического факультета. С. 377.

Ученый комитет признал целесообразным выделить полицейское право в особую кафедру, но не согласился с предложением образовать самостоятельную кафедру и для уголовного судоустройства и судопроизводства. В результате во втором варианте проекта нового университетского устава была предусмотрена *кафедра уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства*.

При обсуждении вопроса о *международном праве* профессор юридического факультета Московского университета Василий Николаевич Лешков предложил назвать его *народным правом*¹. Ученый комитет не принял этого предложения, посчитав, что «такое название нисколько не указывает на существо того предмета, который хотя и обозначить, и своею неопределенностью может дать повод к неточному уразумению этого предмета, тогда как название “*международное право*” само собою указывает на то, что это есть право, имеющее силу и действие между различными народами или государствами»².

В примечаниях к § 14 проекта нового университетского устава говорилось также о *торговом праве*. Эту науку было рекомендовано преподавать «или отдельно, или в связи с законами гражданскими и законами благоустройства». В. В. Шнейдер высказал по этому поводу мнение о том, что «торговое право необходимо должно быть преподаваемо как отдельный предмет»³. Ученый комитет не согласился с этим мнением. «Мы полагаем, — заявил от его имени Ф. Н. Панов, — что торговое право не есть самостоятельный предмет, потому что теория его входит в состав гражданского права; но как особенности торговых законов довольно обширны, то преподавание этого предмета полезно поручить отдельному лицу, не вводя, однако, особенной кафедры для торгового права»⁴.

Еще одно примечание к рассматриваемому параграфу было посвящено *юридической практике*. В первоначальном проекте ее преподавание предусматривалось в рамках кафедр гражданского и уголовного права. Вместе с тем предполагалось, что оно может поручаться и отдельному преподавателю.

Попечитель Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте выступил против включения юридической практики в состав факультетского курса,

¹ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. С. 395.

² Панов Ф. Н. О составе юридического факультета. С. 381.

³ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. С. 98.

⁴ Панов Ф. Н. О составе юридического факультета. С. 381.

подчеркнув, что она не может быть предметом ни преподавания, ни изучения в стенах университета. «Она, — заявил Федор Федорович, — есть плод сознательной деятельности юриста в сфере судебной, и потому обучение юридической практике в университетах столько же несбыточно, сколько преподавание искусства вести внутреннюю и внешнюю политику какого-нибудь государства. Призвание юридического факультета — быть истинным представителем юридической науки, вселить в слушателях любовь и уважение к ней и тем оградить будущих юристов-практиков от пагубных сетей, которыми приказная рутинная так легко опутывает судей, не имеющих при себе единственного действительного противоядия в основательном теоретическом образовании. Поэтому юридический факультет не должен принимать на себя обязанности, которой он не в состоянии выполнить и осуществление которой отнюдь не его задача»¹.

Ученый комитет принял аргументы Ф. Ф. Витте. «Было бы хорошо, — сказал по этому поводу Ф. Н. Панов, — если бы преподаватели гражданского и уголовного права и судопроизводства могли ознакомить своих слушателей с практической стороной предмета; но это нужно только *предоставить* им, а не делать для них обязательным; вводить же особого преподавателя для юридической практики нам кажется мало обещающей роскошью, на которую может решиться факультет, если будет располагать лишними денежными средствами: так как практический преподаватель станет ограничиваться передачей существующих форм и обрядов делопроизводства, и условие этой передачи слушателями будет большею частью страдательное, между тем как юрист, приобретший в университете теоретические начала, будет в состоянии усвоить себе юридическую практику собственною самостоятельною деятельностью на поприще судебном в весьма короткое время»².

В первоначальном проекте нового университетского устава говорилось о том, что «профессор православного богословия преподает и церковное законоведение студентам юридического факультета». И. Е. Андреевский в своих замечаниях на это положение призвал более точно определить понятие «церковное законоведение». «Существует различие между церковным и каноническим правом, — отмечал он. — Церковное право есть систематическое учение о тех положительных законах, истекающих от верховной государственной власти, которыми определяются права и обязанности граждан, как членов той или другой церкви, того

¹ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 436–437.

² Панов Ф. Н. О составе юридического факультета. С. 382.

или другого исповедания, допускаемого в государстве; каноническое же право есть систематическое учение о законах, истекающих от церковной власти того или другого исповедания по принадлежности о внутренних делах церкви и об отношениях, исповедующих религию, к церкви; эти два понятия часто смешиваются»¹. Исходя из такого понимания церковного права, Андреевский делал вывод о том, что «в юридическом факультете должны быть преподаваемы как каноническое право, так и церковное. Профессору православного богословия может быть вверено преподавание только канонического права и только православной церкви, а церковное право должно быть преподаваемо профессором-юристом на том же основании, как преподаются и другие юридические науки»².

Опираясь на это мнение, Ученый комитет признал необходимым создать на юридическом факультете *кафедру церковного права*. Выражая эту позицию, член Ученого комитета Ф. Н. Панов сказал: «Нам кажется, что преподавателем церковного права *непрерывно* должен быть ученый юрист, для того, чтобы в разработку церковного права, предмета важного и необходимого для юриста, внести юридический метод исследования науки. Требовать специально-юридического образования от наших духовных невозможно; *некоторое же юридическое приготовление...* не только не может удовлетворять вышесказанной нами цели, но еще более повредит существу преподавания. Таким образом, нам кажется необходимым учреждение в юридическом факультете особой кафедры *церковного права*, преподавание которого должно быть поручаемо профессору-юристу и обнимать собою постановления русского законодательства (светского) относительно всех вероисповеданий в государстве»³.

Помимо указанных наук Ученый комитет по разработке нового университетского устава предусмотрел преподавание на юридическом факультете предмета под названием «*судебная медицина и медицинская полиция*». С инициативой включения их в учебную программу подготовки юристов выступили Совет Московского университета и попечитель Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте⁴. Излагая в своем докладе мнение Ученого комитета об этой науке, Ф. Н. Панов отмечал: «Знание судебной медицины оказывается необходимым для юриста при производстве

¹ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 142.

² Там же.

³ *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 385.

⁴ См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 246, 437.

уголовных следствий: потому что в этих случаях законом возлагается на следователя-юриста обязанность предлагать вопросы врачу, находящемуся при следствии, относительно предмета этого следствия. Чтобы эти вопросы были правильны, они должны быть предлагаемы лицом, знающим судебную медицину. Сверх того, знанием судебной медицины следователю-юристу доставляется возможность в достаточной степени контролировать правильность ответов врача на те вопросы, которые первый предлагает сему последнему относительно предмета следствия. На таком же основании знание медицинской полиции делается необходимым для юриста, как скоро ему приходится применять на практике те многообразные начала полицейского права, которые предписываются наукою и законодательством для обширной полицейской деятельности»¹.

Таким образом, Ученым комитетом была составлена новая программа подготовки юристов. О том, насколько она соответствовала требованиям, предъявлявшимся к университетскому юридическому образованию общественными условиями России 60-х годов XIX в., можно было судить лишь после ее введения в действие.

§ 3. Введение в действие нового Университетского устава. Его значение для дальнейшего развития университетского образования в России

18 июня 1863 года император Александр II Именным указом, данным Правительствующему Сенату, утвердил новый Общий устав императорских российских университетов. В этот же день вступило в силу новое Учреждение Министерства народного просвещения и, кроме того, Именным императорским указом, объявленным Сенату министром народного просвещения, было повелено «открыть все факультеты С.-Петербургского университета, и в том числе юридический и историко-филологический, для первых курсов, предоставив министру народного просвещения назначить ныне же профессоров и преподавателей в факультеты: физико-математический, историко-филологический и юридический»².

¹ Панов Ф. Н. О составе юридического факультета. С. 386.

² 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39750. С. 617–618. Санкт-Петербургский университет был закрыт на основании Именного императорского указа, объявленного Сенату министром народного просвещения 20 декабря 1861 г., «впредь до пересмотра Университетского устава» по причине обнаружившихся в нем в результате произошедших беспорядков уклонения от соблюдения установленных правил «впредь до пересмотра Университетского устава» (2-ПСЗРИ. Том 36. Отд. 2. № 37766. С. 629).

Новое учреждение Министерства народного просвещения призвано было преобразовать его внутреннюю организацию и деятельность по управлению народным образованием в соответствии с рекомендациями, выработанными в ходе состоявшейся в первой половине 1862 года сенатской ревизии департамента народного просвещения и канцелярии министра. По ее результатам сенаторы признали целесообразным: 1) предоставить больше полномочий попечителям учебных округов и университетским советам, рассредоточив управление, «насколько это нужно для успешного хода дел»; 2) перераспределить дела «между разными учреждениями Министерства в Петербурге, сообразно со значением каждого из них»; 3) упразднить Главное правление училищ, передав его функции Совету министра; 4) сократить и упростить делопроизводство, в том числе «и через отмену многих бесполезных обрядов и формальностей»; 5) уменьшить в связи с сокращением письменной работы личный состав служащих; 6) увеличить оклады «вследствие уменьшения числа служащих»¹.

Еще до окончания ревизии Министерства народного просвещения император Александр II принял решение упразднить канцелярию министра и действовавшее при Министерстве Главное управление цензуры.

Принятое в 1863 году Учреждение Министерства народного просвещения установило, что в его состав входят: «1) Совет министра; 2) Департамент народного просвещения; 3) Ученый комитет; 4) Археографическая комиссия; 5) редакция журнала Министерства и 6) Архив Министерства»². Кроме того, при министре полагались чиновники для особых поручений.

Если в 1862 году в штате Министерства народного просвещения состояло 194 чиновника, то после введения в действие нового Учреждения данного Министерства на службе в его подразделениях должно было остаться 42 человека, включая министра и товарища министра³. Тем самым Министерство вынуждалось более активно, чем прежде, привлекать для решения общих проблем управления народным просвещением руководителей научных и учебных заведений, авторитетных профессоров, чиновников местных органов управления просвещением. Новое Учреждение Министерства предусматривало, например, участие в работе

¹ Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 23.

² Учреждение Министерства народного просвещения от 18 июня 1863 г. // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39751. С. 618.

³ Преобразование центрального управления Министерства народного просвещения в 1863 года // ЖМПН. 1863. Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 318–320.

Совета министра, помимо главы Министерства, его заместителя — товарища министра, директора Департамента народного просвещения и председателя Ученого комитета, также попечителей учебных округов и ректоров университетов, во время их нахождения в С.-Петербурге или по приглашению министра, председателя Археографической комиссии, Непременного секретаря Академии наук, директора Николаевской обсерватории. Все эти лица наделялись одинаковым голосом при вынесении Советом министра какого-либо решения.

Преобразование Министерства народного просвещения на основе Учреждения от 18 июня 1863 года должно было уменьшить бюрократизм в его деятельности, превратить его из ведомства консервативного, предназначенного хранить устоявшиеся порядки в системе народного образования, в инструмент развития этой системы. Принятие нового Учреждения Министерства народного образования не случайно поэтому совпало с изданием нового Университетского устава. Введением данного устава в действие запускался процесс реформы университетского образования в России, успех же в делах такого рода в огромной степени зависит от организации управления ими.

Данная реформа была призвана остановить упадок российских университетов, который к концу 50-х годов XIX века стал очевидным фактом, и создать условия для подъема их на новый, более высокий уровень.

В записке «По поводу нового Университетского устава», составленной его разработчиками и опубликованной в 1863 году в «Журнале Министерства народного просвещения»¹, а также в качестве дополнения к отдельному изданию «Общего устава российских императорских университетов»², одна из главных причин упадка университетского образования в России усматривалась «в равнодушии ученых сословий к интересам их университетов и науки вообще». При этом признавалось, что такое равнодушие было «вызвано отчасти устранением ученых коллегий от суждения и распоряжения по делам, относящимся к вопросам, связанным с жизнью университетов, отчасти равнодушием самого общества к интересам науки, отчасти и материальными заботами, обременявшими профессоров, и наконец, не всегда удовлетворительным составом ученых коллегий. Не нося никакой ответственности за внутреннее управление университетом, возложенное на попечителя, правление и инспектора студентов, университетский совет, вместо нравственного, воздерживающего

¹ По поводу нового Университетского устава // ЖМНП. 1863. Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 303–404.

² По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 57–128.

и подвигающего начала, являлся иногда, наоборот, страдающим научным застоєм и незрелым увлечением»¹.

Помимо этого причины упадка российских университетов обнаруживались составителями нового Университетского устава «в скудости учебных пособий университетов, не позволявшей им идти в уровень с подобными учреждениями Западной Европы», «в недостаточном приготовлении поступавших в университет к слушанию лекций», что заставляло профессоров «обращаться более в гимназических преподавателей, нежели в университетских профессоров», «в недостатке хороших профессоров»².

Поясняя, откуда взялся последний недостаток, авторы записки «По поводу нового Университетского устава» отмечали: «Не имея возможности приглашать заграничных ученых, университеты, по необходимости, должны были ограничиваться русскими кандидатами; но последних не могло быть много, как потому, что ученый уровень университетов недостаточно возвысился, так и потому, что большая часть других общественных не учебных поприщ представляли более средств к обеспечению жизни, при меньших требованиях специальных условий, нежели поприще ученое. Последствием этого было то, что кафедры оставались незамещенными или что профессора, занимавшие кафедры, обращались к разным посторонним занятиям для увеличения своих материальных средств, и часто более дорожили этими побочными занятиями, нежели своею службою при университете»³.

При сравнении нового Университетского устава с прежним нельзя не признать, что он, *во-первых*, предоставил университетам больше самостоятельности в делах их внутреннего управления и больше возможностей для развития в соответствии с местными условиями, при сохранении общих для всех российских университетов принципов их внутренней организации, параметров учебного процесса и предметов в содержании учебных программ; *во-вторых*, создал в университетах более благоприятные условия для научной и учебной деятельности; *в-третьих*, сделал преподавательскую работу в университетах более привлекательной для способных молодых людей, предопределив появление в будущем на университетских кафедрах достаточного числа квалифицированных преподавателей; *в-четвертых*, предусмотрел

¹ По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 69–70.

² Там же. С. 70.

³ Там же.

цельный ряд специальных мер для побуждения студентов к занятию науками.

§ 4. Университетская организация по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года

Новый Университетский устав, так же как и предыдущий, не дал определения университета¹, ограничившись лишь указанием на его состав. Общий устав императорских российских университетов 1835 года устанавливал, что «университет составляется: 1) из определенного числа факультетов, 2) из Совета, 3) из Правления»². В Общем университетском уставе 1863 г. провозглашалось, что «каждый университет состоит из факультетов, как составных частей одного целого»³. О Совете и Правлении здесь говорилось лишь как о составных частях Университетского правления. Согласно § 5 к ним относились: «1) Университетский совет. 2) Правление университета. 3) Университетский суд. 4) Проректор или инспектор»⁴. Ректор же представлялся в новом Уставе лицом, которому принадлежит «ближайшее управление университетом» (§ 4)⁵. По Уставу 1835 года ректор не назывался таким лицом, поскольку управление университетом сосредотачивалось в руках попечителя, которому в связи с этим давалось право председательствовать по своему усмотрению в Совете и Правлении.

Устав 1863 года существенно ограничивал возможности вмешательства попечителя учебного округа во внутреннюю жизнь университета. В Уставе 1835 года статусу и правомочиям попечителя было посвящено четырнадцать статей⁶, в новом Университетском уставе — всего один параграф. В нем говорилось, в частности, что «попечитель учебного округа

¹ В уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов, принятых 5 ноября 1804 г., университет определялся как «вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное». При этом уточнялось, что в нем «приготавливается юношество для вступления в различные звания государственной службы» (1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 571; № 21499. С. 589; № 21500. С. 607).

² Общий устав императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 812.

³ Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 года // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 622.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 846.

принимает все нужные, по его усмотрению, меры, чтобы принадлежащие к Университету места и лица исполняли свои обязанности, и, в случаях чрезвычайных, уполномочивается действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть, с обязанностью только о подобных случаях доводить до сведения министра»¹. Взаимоотношения попечителя и Университетского совета определялись в этом параграфе словами: «Попечитель делает Совету, когда признает это нужным, предложения, как по делам Университета, так и по делам учебного округа»².

Главным органом университетского управления Общий устав российских университетов 1863 года сделал Университетский совет. Повышению роли этого органа в университетской жизни способствовало установление перечня вопросов, по которым он принимал окончательные решения (§ 42). Первым среди них было названо «распределение предметов и порядок их преподавания во всех факультетах». Кроме того, Совет мог самостоятельно распределять денежные суммы, назначенные по штату на учебные пособия, рассматривать и утверждать ежегодную смету доходов и расходов специальных средств, составляющих собственность университета, принимать решения по программам на конкурсы для занятия вакантных кафедр и т. д.³

Наряду с этим § 42 четко определял вопросы, по которым решения Университетского совета вступали в силу только после их утверждения попечителем. К ним были отнесены: «1) Меры и средства, ведущие к усилению ученой деятельности Университета. 2) Избрание доцентов, лекторов, лаборантов, хранителей кабинетов и музеев и помощников прозекторов и проректора или инспектора. 3) Допущение приват-доцентов к чтению лекций... 5) Избрание судей и кандидатов в университетские суды. 6) Увольнение и удаление всех вышеозначенных должностных лиц», а также разработка и принятие правил и инструкций, касающихся обязанностей учащихся, приема в университет, слушания лекций посторонними лицами, порядка взимания, распределения и употребления суммы, собираемой за слушание лекций, и т. д.⁴

Наконец, § 42 выделял среди предметов занятий Университетского совета такую их категорию, по которым его решения представлялись через попечителя на утверждение министра. Это, например, избрание ректора, деканов, проректора или инспектора и профессоров; увольнение

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 625.

² Там же.

³ Там же. С. 626.

⁴ Там же. С. 627.

и удаление указанных лиц из университета, «разделение факультетов на отделения, соединение и разделение кафедр и замена одних из них другими и определение, которые из преподаваемых предметов должны быть обязательными для студентов», «отправление молодых людей за границу, для приготовления к занятию кафедр», «составление правил о сроке и порядке производства испытаний на ученые степени и звание» и т. д.¹

Комментируя приведенные положения нового Университетского устава, его составители отмечали в посвященной ему записке: «Заметим, что во всех случаях, в которых требуется утверждение составленных Советом правил попечителем или министром, университеты будут иметь возможность устраивать свои внутренние порядки сообразно местным обстоятельствам и потребностям, и все это будет совершаться без необходимо-требовавшихся до сих пор формальностей, замедлявших ход дела. Во всех этих случаях не нужно будет изменять самого Университетского устава, что, как известно, требует рассмотрения в Государственном совете и Высочайшего утверждения. При составлении этих правил университет, имея постоянно в виду соответствующие параграфы устава, может руководствоваться в начертании подробностей местными особенностями и обычностями»².

Подняв значение Университетского совета, Устав 1863 года более весомую роль придал факультетскому собранию. Этому коллегиальному органу так же, как и Совету, была предоставлена автономия при решении целого ряда вопросов. § 10 Устава определил, что «факультетское собрание состоит, под председательством декана, из всех ординарных и экстраординарных профессоров факультета, между которыми один исправляет должность секретаря. Прочие члены факультета также могут быть приглашаемы в его собрания, но с присвоением в них голоса: доцентам — только по выслуге двух лет в этом звании, а остальным преподавателям единственно: а) при решении вопросов, касающихся преподаваемой ими науки, и б) при испытаниях из оной на ученую степень кандидата или на звание действительного студента». § 23 очертил круг полномочий факультетских собраний, разделив предметы их занятий на две категории: «А) Предоставляемые утверждению собственно властью» и «Б) Предоставляемые на рассмотрение и утверждение Совета».

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 627.

² По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 85.

В первую категорию Уставом были включены: «1) Меры к усилению учебной деятельности студентов. 2) Программы на конкурсы для занятия вакантных кафедр. 3) Одобрение сочинений, издаваемых университетом. 4) Программы преподавания». Таким образом, руководство учебной и научной деятельностью факультетов Университетский устав 1863 года передал факультетским собраниям.

Ко второй категории вопросов, рассматривавшихся факультетскими собраниями, было отнесено в первую очередь избрание деканов факультетов. § 8 Устава предписал, что «деканы избираются в собраниях своих факультетов на три года, из ординарных профессоров, а если таких в факультете менее трех, то и из экстраординарных, а утверждаются министром народного просвещения». В примечании же к этому параграфу было сказано: «выбор деканов факультетов производится в присутствии Университетского совета; если выбор не состоится, то они баллотируются Советом»¹.

Кроме того, в числе вопросов, по которым решения факультетских собраний должны были представляться на рассмотрение и утверждение Университетского совета, Устав 1863 года называл «распределение предметов и порядок их преподавания», «предложения о разделении факультета на отделения, соединении и разделении кафедр и замене одних из них другими, и определение, которые из предметов преподавания должны быть обязательными для студентов»².

Статусу ректора университета была посвящена четвертая глава Университетского устава 1863 года. В ней предписывалось избирать ректора Университетским советом на четыре года из ординарных профессоров Университета и утверждать его в сем звании высочайшим приказом (§ 27)³.

§ 28 нового Устава повторял в целом положения § 62 Устава 1835 года с небольшими уточнениями в деталях. Здесь говорилось, в частности, что «ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к нему места и лица исполняли свои обязанности, и 2) чтобы университетское преподавание шло правильно и в надлежащей полноте, сообразно программам, которые будут утверждаемы факультетами»⁴. Нововведением была норма, установленная § 29. Она гласила: «Ректор, в случаях важных и не терпящих отлагательства,

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 622.

² Там же. С. 624–625.

³ Там же. С. 625.

⁴ Там же.

принимает все нужные меры, хотя бы они и превышали предоставленные ему права, с доведением только о них немедленно до сведения как Совета или Правления Университета, по принадлежности, так и Попечителя»¹.

При обсуждении проекта Устава 1863 года ряд профессоров высказывали мнение о том, что некоторые из обязанностей, которые возлагаются на ректора, не по силам исполнить одному человеку. Это, например, обязанность наблюдать за тем, чтобы университетское преподавание шло правильно, в надлежащей полноте и сообразно программам. По их мнению, ректора следовало бы освободить от подобных обязанностей². Профессор Ф. Дмитриев приводил другой аргумент против наделения ректора обязанностью контролировать соответствие преподавания программам. «Требовать, чтобы преподавание в точности следовало программе, значит вводить совершенно бесполезное стеснение, от которого на практике преподаватель всегда может уклониться»³, — отмечал он. Этих аргументов оказалось, однако, недостаточно, чтобы указанная обязанность была снята с ректора.

Новый университетский устав предусмотрел специальные меры, призванные обеспечить кафедры достаточным количеством способных преподавателей. В нем были оставлены в силе прежние способы замещения вакантных преподавательских должностей: избрание факультетским собранием и Университетским советом посредством баллотирования (§ 70), конкурс (§ 71), непосредственное назначение министром народного просвещения «в тех случаях, когда вакантная в Университете кафедра не будет замещена в течение года избранным от университетского Совета кандидатом» или если необходимо было привлечь к чтению лекций «сверхштатных профессоров из лиц, отличных ученостью, даром преподавания и удовлетворяющих прочим условиям, требуемым от профессора» (§ 72)⁴. Но эти традиционные способы пополнения преподавательского коллектива университетов Устав 1863 года дополнил процедурами, позволявшими подготовить к преподавательской деятельности талантливых молодых людей.

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 625.

² См. об этом: Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего Устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 327–328.

³ *Дмитриев Ф. Университетский устав // Замечания на проект Общего Устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 2. С. 404.*

⁴ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 630.

Во-первых, Университетскому совету было дано право оставлять при университете по своему усмотрению «стипендиатов для приготовления к профессорскому званию» (§ 42)¹.

Во-вторых, Совет получил право отправлять, с утверждением министра, «молодых людей за границу, для приготовления к занятию кафедр» (§ 42)².

В-третьих, в университетах был создан институт приват-доцентов.

Данный институт не был новым. Идея привлечения к чтению лекций в университете, помимо штатных преподавателей, кого-либо «из числа получивших ученую степень», с назначением ему «соразмерного прилежанию и усердию его годового жалованья», была выражена еще в Уставе Дерптского университета (§ 81), высочайше утвержденного 4 июня 1820 года³. Высочайшим повелением от 8 июля 1839 года было разрешено «читать лекции в Дерптском университете, в качестве сверхштатных частных преподавателей, без присвоения прав службы, и таким лицам, имеющим ученые степени, которые пожелают принять на себя эту обязанность без жалованья и будут к тому удостоены Университетским советом»⁴.

В принятом 9 июня 1842 года Уставе императорского университета Св. Владимира такие преподаватели получили наименование «доцентов». Статья 34 данного Устава предоставляла Совету университета право «ходатайствовать о дозволении получившему ученую степень магистра или доктора читать лекции о каком-либо отдельном предмете, с присвоением такому преподавателю звания доцента»⁵. Согласно статье 35 того же Устава желавший приобрести такое звание был обязан, «кроме диссертации, по коей получил ученую степень, представить новую *pro venia legendi*⁶, и оную защищать публично»⁷. «Доценты считаются в службе, — говорилось в статье 36, — но жалованья от Университета не получают. По мере успехов их в преподавании, Совету предоставляется ходатайствовать о вознаграждении трудов их единовременными денежными выдачами из экономической университетской суммы. Впрочем доценты составляют рассадник для штатных адъюнктских и профессорских мест»⁸.

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 626.

² Там же. С. 627.

³ 1-ПСЗРИ. Том 37. № 2832. С. 263.

⁴ 2-ПСЗРИ. Том 14. Отд. 1. № 12524. С. 620.

⁵ 2-ПСЗРИ. Том 17. Отд. 1. № 15730. С. 435.

⁶ Дословно: «на право читать лекции» (*лат.*).

⁷ 2-ПСЗРИ. Том 17. Отд. 1. № 15730. С. 435.

⁸ Там же.

Повелением императора Николая I от 28 июня 1843 года, изданным в ответ на ходатайство Комитета министров, представленное на основании записки министра народного просвещения, правила об определении особых преподавателей со званием доцентов, установленные статьями 34, 35 и 36 принятого годом ранее Устава Университета Св. Владимира, были распространены на Санкт-Петербургский, Московский, Казанский и Харьковский университеты¹.

В своей записке министр народного просвещения обращал внимание на то, что для замещения вакантных должностей профессоров и адъюнктов в российских университетах часто отсутствовали достойные кандидаты из «русских уроженцев». Причину этого недостатка он видел в том, что способным молодым людям, желавшим посвятить себя ученому поприщу, не было «в наших университетах (исключая Дерптский и Университет Св. Владимира) приюта для приготовления к будущему назначению», и от того многие из них были вынуждены «оставлять намерение вступить в службу по части учебной». Отправление же молодых людей за границу для усовершенствования в науках имело то неудобство, что к приготовлению в преподаватели легко могли быть допущены такие кандидаты, которые не имели дара преподавания. Опираясь на подобные аргументы и на уже изданные законодательные установления, регулировавшие порядок привлечения к чтению лекций в Дерптском и Киевском университетах сверхштатных частных преподавателей, министр делал вывод о необходимости установить звание доцента в остальных российских университетах.

Однако доценты появились лишь в Московском и Санкт-Петербургском университетах, причем в очень малом числе. Не получая постоянного жалованья, эта категория преподавателей вынуждена была полагаться на добрую волю Университетского совета, который мог назначить им вознаграждение за их труды, а мог и не назначить. А между тем для получения звания доцента нужно было иметь хотя бы степень магистра и представить диссертацию *pro venia legendi*. Звание профессора получить было легче, поскольку для этого не требовалось представления указанной диссертации.

Общий устав императорских российских университетов 1863 года, назвав сверхштатных частных преподавателей «приват-доцентами», сделал приобретение этого звания более легким.

§ 68 данного Устава предписал: «Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора по разряду

¹ 2-ПСЗРИ. Том 18. Отд. 1. № 16894. С. 412.

наук, соответствующих его кафедре. Для получения звания доцента надлежит иметь, по крайней мере, степень магистра; *приват-доцентами же могут быть и кандидаты, представившие диссертацию (pro venia legendi) по тому отделению факультета, в котором они намерены преподавать, и защитившие ее публично в присутствии факультета*¹ (курсив мой. — В. Т.).

§ 69 Устава обязал лиц, ищущих звания профессора, доцента и приват-доцента, но неизвестных факультету своими преподавательскими способностями, «прочсть публично, в присутствии факультета, две пробные лекции: одну — на тему по собственному избранию, а другую — по назначению факультетского собрания»².

§ 73 установил, что «лица, ищущие звания приват-доцента и выполнившие удовлетворительно требования, изложенные в §§ 68 и 69, допускаются Советом университета, с утверждения Попечителя, к чтению в Университете курса по избранным ими наукам, в качестве приват-доцентов»³.

§ 74 определил, что приват-доцентам не полагается установленного штатом содержания, но Советы университетов могут, по представлениям факультетов, «выдавать им из специальных средств Университета соразмерное их трудам вознаграждение»⁴.

В записке «По поводу нового Университетского устава» институту приват-доцента придавалось огромное значение. Он объявлялся «рассадником профессоров и главнейшим средством для замещения кафедр», которому «предстоит оживить университеты постоянным притоком новых и свежих сил; поддержать рвение к науке и ее преподаванию и в ветеранах науки, устранив всякий повод к неудовольствию слушателей на преподавателей, предоставив первым возможность выбора между последними, или же убедивши их, что недостаток преподавателей происходит от причин, не зависящих от университета»⁵.

И, надо признать, надежды эти данный институт вполне оправдал. Он действительно стал «рассадником профессоров». Во всяком случае, многие выдающиеся российские правоведы — заслуженные и ординарные про-

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 629.

² Там же.

³ Там же. С. 630.

⁴ Там же.

⁵ По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 107.

фессора юридических факультетов начинали свою преподавательскую деятельность в качестве именно приват-доцента.

Некоторые из предусмотренных Общим уставом императорских российских университетов 1863 года способов подготовки новых преподавателей были введены в действие еще в момент обсуждения его проекта. 10 марта 1862 года император Александр II удовлетворил представленное во всеподданнейшем докладе министра народного просвещения А. В. Головнина ходатайство о разрешении ему «отправлять, по его избранию, молодых ученых за границу для приготовления себя к должностям профессоров и преподавателей, с выдачею им ассигнованной на сей предмет суммы от 1.600 до 2.400 руб. в год, с тем, чтобы они доносили управляющему министерством ежемесячно о своих занятиях и обязались за каждый год пребывания за границу прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения, по назначению министра, два года»¹.

Такой способ подготовки преподавателей для российских университетов существовал до 1848 года. Император Николай I отказался от него из-за того, что в ряде европейских стран в указанное время началось революционное брожение. В новом варианте Общего устава императорских российских университетов предполагалось существенно увеличить количество университетских кафедр. Для их замещения недоставало специалистов. Стремление восполнить этот недостаток за возможно короткий срок подвигло российское правительство обратиться к доказавшему свою эффективность в 30-е и 40-е годы XIX века методу подготовки новых профессоров в лучших западноевропейских университетах. И с апреля 1863 года туда стали регулярно направляться талантливые молодые люди из России, решившие после завершения университетского курса обучения посвятить себя преподавательской деятельности².

Ко времени принятия нового Университетского устава на стажировке в западноевропейских университетах (в основном, в Гейдельбергском, Лейпцигском, Берлинском и Венском) находилось 60 выпускников российских университетов. Среди них было десять человек, совершенствовавших свои познания в различных областях научной юриспруденции (в *истории иностранных законодательств* — А. Н. Сто-

¹ Об отправлении молодых ученых за границу для приготовления себя к должностям профессоров и преподавателей. 10 марта 1862 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 3: Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1865. Стлб. 730.

² См.: Список кафедрам по проекту нового Университетского устава, с означением кто командирован за границу для приготовления по каждой из кафедр // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 179–186.

янов, в науке *государственного права* — А. Я. Пассовер и Н. С. Таганцев, по *гражданскому праву, судостроительству и судопроизводству* — А. Б. Думашевский и В. И. Сергеевич, К. Брохоцкий, в науке *полицейского права* — В. С. Власьев, по *финансовому праву* — В. А. Лебедев, Л. И. Жданович, М. И. Стельмахович)¹.

По правилам, установленным Министерством народного просвещения, молодые люди, отправленные для продолжения учебы за границу, обязаны были периодически представлять в Министерство отчеты о своих занятиях. Одновременно была заведена практика публикации этих отчетов, в извлечениях или полностью, на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» для того, чтобы университеты имели возможность постоянно следить за успехами своих будущих преподавателей и составить себе представление об уровне их знаний и способностей.

Иногда стажеры-правоведы из России лишь кратко описывали в своих отчетах, какие лекции они слушали в заграничных университетах и какие работы иностранных правоведов изучали², но чаще всего, не ограничиваясь этими описаниями, добавляли к ним свои впечатления о характере преподавания юридических наук в тех университетах, где стажировались³. Нередко их отчеты превращались в библиографические обзоры каких-либо правовых исследований или в заметки по системе и методике преподавания той или иной юридической науки⁴. Бывало и так, что отчеты представлялись в виде рецензии на какое-либо из недавно издан-

¹ Список кафедр по проекту нового Университетского устава, с означением кто командирован за границу для приготовления по каждой из кафедр // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 183–184.

² См., например: Отчет кандидата В. Власьева // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 81; № 6. Отдел 2. С. 259–260; Ч. 119. № 9. Отдел 2. С. 427–428. Отчет кандидата Думашевского // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 156–158. Отчет кандидата Льва Ждановича // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 5. Отдел 2. С. 223–228; Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 185–187. Отчет А. Стоянова // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 9. Отдел 3. С. 223–225.

³ Отчет кандидата А. Пассовера // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 5. Отдел 2. С. 232–236; Ч. 119. № 9. Отдел 2. С. 409–421. Отчет кандидата В. Лебедева // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 155–156; Ч. 119. № 7. Отдел 2. С. 80–82. 1864; Ч. 122. № 5. Отдел 2. С. 337–344. Отчет кандидата Арнольда Думашевского // Там же. С. 363–372. Отчет кандидата Льва Ждановича // Там же. С. 416–420.

⁴ См., например: Отчет кандидата Арнольда Думашевского // ЖМНП. 1863. Ч. 119. № 7. Отдел 2. С. 86–93. Отчет кандидата Константина Брохоцкого // Там же. С. 101–106. Отчет кандидата Н. Таганцева // ЖМНП. 1863. Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 232–256. Отчет кандидата А. Орлова // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 8. Отдел 3. С. 123–154.

ных сочинений иностранных правоведов с изложением размышлений, которые оно вызвало¹.

Некоторые из русских правоведов, оказавшись в Германии, посвящали свое время изучению местного законодательства и правоохранительной системы. Н. С. Таганцев стажировался поначалу в Лейпцигском университете, затем переехал в Гейдельберг. В своем отчете отсюда, датированном 18/30 марта 1864 года, он дал описание внутренней организации тюрем в Галле и Гейльбронне, сравнив ее с порядками в Лейпцигской тюрьме².

Направленный Московским университетом 30 октября 1862 года в заграничную командировку В. И. Сергеевич в течение трех лет слушал лекции известных иностранных ученых (И.-К. Блунчли, К. Миттермайера, К.-А. Вангерова) в Гейдельбергском, Берлинском и других западноевропейских университетах, работал в крупнейших заграничных библиотеках, знакомился с законодательством Франции, Германии, Англии. Собранные за границей материалы он опубликовал в шести заметках, напечатанных в 1863–1865 годах в «Журнале Министерства народного просвещения» под рубрикой «Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию»³. Это были настоящие научные статьи⁴. Подобным же образом поступил и В. С. Властьев, представив в качестве одного из своих отчетов «Очерк истории обязательного призрения в Англии до конца XVII века»⁵.

В записке «По поводу нового университетского устава» предусмотренной им возможности подготовки новых преподавателей для российских

¹ См., например, представленную в марте 1865 г. Львом Ждановичем в качестве отчета по научной стажировке рецензию на вышедшую годом ранее книгу Карла Дитцеля «Народное хозяйство и его отношение к обществу и государству (*Die Volkswirtschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat Von D-r Carl Dietzel*)» // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 7. Отдел 3. С. 1–66.

² См.: Отчет кандидата Н. Таганцева // ЖМНП. 1864. Ч. 122. № 5. Отдел 2. С. 388–400.

³ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В двух томах. М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 480–483.

⁴ *Сергеевич В. И.* О служебных экзаменах в Пруссии // ЖМНП. 1863. Ч. 117. № 3. Отдел 2. С. 262–272. *Его же.* Особенности французского кассационного суда // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 6. Отдел 2. С. 270–291. *Его же.* Очерк кассации в Пруссии (К вопросу о кассационном суде) // ЖМНП. 1863. Ч. 120. № 10. Отдел 3. С. 38–50. *Его же.* Мнение Цинка в пользу кассационного суда // ЖМНП. 1864. Ч. 121. № 1. Отдел 2. С. 41–50. *Его же.* Порядок отмены решений по новому уставу гражданского судопроизводства // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 9. Отдел 3. С. 197–208 и др.

⁵ ЖМНП. 1864. Ч. 122. № 5. Отдел 2. С. 400–413.

университетов путем стажировки за границей была дана весьма осторожная оценка. «Какие результаты принесет нашей науке и нашим университетам эта мера Министерства? — вопрошали авторы записки. — Будет ли соответствовать полученная от нее польза огромным издержкам правительства на этот предмет? Сумеют ли ныне отправленные за границу кандидаты к профессорскому званию поднять уровень нашего университетского преподавания и оживить университеты, по крайней мере, в такой же степени, как это сделали профессора, отправленные за границу в тридцатых годах?»¹ Признавая, что на все эти вопросы можно будет ответить лишь по прошествии какого-то времени после того, как молодые ученые возвратятся в России, займут кафедры и на деле покажут свои таланты и приобретенные за границей знания, составители указанной записки обращали внимание на их отчеты, публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». «Нельзя не видеть в этих отчетах, — отмечали они, — основательности и серьезности взгляда на науку, а также той полной преданности и неподдельной любви, с какими большинство кандидатов посвящает себя избранным отраслям знаний. Особенно заслуживает внимания факт, что большинство нынешних кандидатов не ограничивается слушанием и пассивным восприятием лекций иностранных профессоров. Напротив того, в их занятиях видна большая самостоятельность: слушая лекции профессоров, они в то же время работают в клиниках, лабораториях, музеях, на обсерваториях, в профессорских семинариях; делают научные, естественно-исторические и другие экскурсии; следят за литературным движением по своим наукам, наблюдают условия заграничного общественного и экономического быта и излагают результаты своих наблюдений как в отчетах, присылаемых в министерство, так и в иностранных и русских ученых изданиях. В этом отношении, можно сказать положительно, что отчеты нынешних кандидатов несравненно полнее и любопытнее отчетов, какие министерство получало в прежнее время от отправляемых им за границу молодых ученых»².

Отчеты стажировавшихся в западноевропейских университетах молодых правоведов из России показывают, что большинство их использовали свое пребывание в этих научных и учебных центрах для изучения иностранной правовой культуры в самом широком ее объеме: они знакомились с организацией юридического образования в Австрии, Германии,

¹ По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 113.

² Там же. С. 114.

Франции, Италии, с практической деятельностью европейских юристов, изучали действующее законодательство западноевропейских стран, учения о государстве и праве знаменитых правоведов, штудировали научные работы по юриспруденции, выходявшие в Западной Европе и США. При этом они воспринимали достижения западноевропейской правовой культуры не бездумно и слепо, но критически их осмысливая, самостоятельно оценивая с позиций здравого смысла, а также методологии правового мышления и юридических знаний, усвоенных ими во время обучения на юридических факультетах российских университетов.

Для пополнения корпуса преподавателей способными и даровитыми молодыми людьми царское правительство не ограничило введением в новый Университетский устав мер, позволявших сделать более эффективной их подготовку к преподавательской деятельности. Приложенные к Уставу и в один день с ним утвержденные императором Александром II «Штаты императорских российских университетов» предусмотрели увеличение годового денежного содержания преподавателям в два и более раза по сравнению с прежним. Так, ординарному профессору было назначено 3000 руб. серебром в год (2400 — жалованье, 300 — столовые, 300 — квартирные)¹. Прежде преподаватель, занимавший такую должность в Московском университете, имел 1543 руб. серебром, в Санкт-Петербургском — 1572 руб. серебром, в Харьковском и Казанском — по 1263 руб. серебром, в Университете Св. Владимира (по Уставу 1842 г.) — 1350 руб. серебром². Экстраординарный профессор стал получать 2000 руб. серебром. Прежнее содержание преподавателей на такой должности варьировалось в зависимости от университета между 954 и 1175 руб. серебром. Штатному доценту было определено 1200 руб. серебром, ранее размер годового денежного содержания доцента (адъюнкта) находился в пределах от 643 до 800 руб. серебром.

В дополнение к указанным суммам преподаватели могли получать вознаграждение из находившихся в распоряжении университетов специальных средств³. Согласно § 109 Устава его выплата регулировалась пра-

¹ Высочайше утвержденные, 18 июня 1863 года, Штаты императорских российских университетов // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 2. № 39752. С. 118.

² См. таблицу окладов университетских преподавателей в издании: По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 110.

³ Одним из источников пополнения данных средств была плата за слушание лекций, взимавшаяся, согласно § 105 Университетского устава 1863 г., с каждого студента, в столичных университетах — по 50, в прочих — по 40 руб. в год. Студенты, представившие в университет свидетельство о бедности, на основании § 107 Устава освобождались от такой платы. Без представления свидетельства о бедности освобожда-

вилами, составленными Советом и утвержденными попечителем учебного округа¹.

По Уставу 1835 года в полном составе университета полагались три факультета: философский, юридический и медицинский (ст. 2)². Устав 1863 года предусмотрел в составе университета четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский³. Для Санкт-Петербургского университета было установлено исключение: здесь отсутствовал медицинский факультет, зато полагалось иметь факультет восточных языков (§ 2).

§ 5. Учебная программа юридического факультета по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года

Учебная программа юридического факультета, закрепленная Уставом 1835 года, предполагала наличие в его составе *семи* кафедр. Согласно статье 12 данного Устава здесь должны были преподаваться: «1) Энциклопедия или общее обозрение системы законоведения, российские государственные законы, т. е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения. 2) Римское законодательство и история онаго. 3) Гражданские законы, общие, особенные и местные. 4) Законы благоустройства и благочиния. 5) Законы о государственных повинностях и финансах. 6) Законы полицейские и уголовные. 7) Начала общеправоведения (*Jus gentium*)»⁴.

Новый Университетский устав предусмотрел в составе юридического факультета *тринадцать* кафедр, в рамках которых 13 профессоров и 6 доцентов должны были преподавать такие предметы, как: «1) Энциклопедия права: а) Энциклопедия юридических и политических наук. б) История философии права. 2) История важнейших иностранных законодательств, древних и новых. 3) История русского права. 4) История славянских законодательств. 5) Римское право: а) История римского права.

лись от взноса платы за учение пансионеры государя императора и особ высочайшей фамилии, стипендиаты университета, стипендиаты частных лиц и обществ, если выбор этих стипендиатов был предоставлен университету (§ 108).

¹ Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 года // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 634.

² 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 842.

³ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 622.

⁴ 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 843.

б) Догматика римского гражданского права. в) Византийское право. б) Государственное право: а) Теория государственного права. б) Государственное право важнейших иностранных государств. в) Русское государственное право. 7) Гражданское право и гражданское судопроизводство и судопроизводство. 8) Уголовное право и уголовное судопроизводство и судопроизводство. 9) Полицейское право: а) Учение о безопасности (законы благочиния). б) Учение о благосостоянии (законы благоустройства). 10) Финансовое право: а) Теория финансов. б) Русское финансовое право. 11) Международное право. 12) Политическая экономия и статистика. 13) Церковное законоведение» (§ 15)¹.

Сравнение учебной программы юридического факультета, установленной Университетским уставом 1863 года, с аналогичной программой, закрепленной Уставом 1835 года, показывает, что преподавание юридических наук в российских университетах перестало строиться на основе Свода законов Российской империи, но приобрело самостоятельную систему. Соответственно термин «законы» в названиях юридических дисциплин уступил свое место слову «право».

Новые названия юридических дисциплин отразили перемены в понимании их содержания. Кафедра, которая прежде носила наименование «гражданские законы, общие, особенные и местные», получила в новом Уставе название кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства и судопроизводства. Это означало, что наука гражданского судопроизводства и судопроизводства, которая Уставом 1835 года включалась в состав науки гражданских законов, стала пониматься теперь в качестве самостоятельной юридической науки. Подобный статус приобрела в новой учебной программе юридического факультета и наука уголовного судопроизводства и судопроизводства, которая ранее входила в содержание законов уголовных.

Недостатком прежней учебной программы юридического факультета было объединение в рамках одной кафедры таких двух совершенно разных дисциплин, как законы полицейские и законы уголовные. Новый Университетский устав отвел каждой из этих наук отдельную кафедру.

Особая кафедра была отведена и для преподавания финансового права. Прежде законы о финансах преподавались по одной кафедре с законами о государственных повинностях.

Наука государственного права, преподавание которой по Уставу 1835 года осуществлялось в рамках кафедры энциклопедии или общего обозрения системы законоведения, была новым Уставом выделена

¹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 623.

в самостоятельную кафедру. При этом объем материала по данной учебной дисциплине существенно расширился. В частности, помимо русского государственного права было предусмотрено преподавание теории государственного права и государственного права важнейших иностранных государств. В течение восьми лет — с 1841 до 1849 года — на юридическом факультете Московского университета читался предмет под названием «Обозрение иностранного государственного права»¹. После принятия нового Университетского устава лекции по иностранному государственному праву стали частью общеобязательной учебной программы юридического факультета.

Еще одно нововведение Устава 1863 года было связано с кафедрой, выступавшей в Уставе 1835 года под названием «начала общенародного правоповедения». В новом Уставе она стала именоваться кафедрой международного права. Эта перемена знаменовала собой окончательный отход от естественно-правовой методологии в научной юриспруденции, ориентировавшей правоведов на изучение неких абстрактных, общих для всех времен и народов правовых принципов.

Сравнивая новую учебную программу юридического факультета с прежней, нельзя не увидеть значительного увеличения в ней объема фундаментальных правовых наук. Для их преподавания было выделено пять (!) кафедр: энциклопедии права, истории важнейших иностранных законодательств, истории русского права, истории славянских законодательств, римского права. Тогда как в предшествующий период фундаментальные юридические дисциплины преподавались только на двух кафедрах: энциклопедии или общего обозрения системы законовведения и римского законодательства с его историей.

Таким образом, учебная программа юридического факультета, закрепленная в Университетском уставе 1863 года, представила новую классификацию отраслевых юридических наук, которая в большей мере соответствовала достигнутому к тому времени в России уровню развития научной юриспруденции.

В основе своей данная классификация сохраняется и в современном российском правоповедении. И это не случайно. Классификация юридических наук, закрепленная в Общем уставе императорских российских университетов 1835 года, была привязана к структуре Свода законов Российской империи. Для того времени такое построение системы научной юриспруденции было благоприятным для ее поступательной эволюции.

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010. С. 99–101.

Оно способствовало переориентации русских правоведов с изучения абстрактных правовых принципов и доктрин на исследование действующего законодательства.

Однако уже в 40-е годы XIX века стало очевидным, что превращение юриспруденции исключительно в инструмент познания действующего законодательства лишает ее качеств или свойств, необходимых для того, чтобы служить орудием реформы существующего правопорядка. Данная функция предполагает создание моделей принципиально другого правопорядка, она требует от юриспруденции выхода за пределы действующего законодательства. Орудием реформы может служить поэтому лишь юриспруденция, вобравшая в себя достижения всей мировой правовой культуры. Такая юриспруденция строится на изучении не только отечественного законодательства, но также иностранного. Она предполагает познание опыта правового регулирования тех или иных общественных отношений не только в своей стране, но и во всех странах, где оно осуществляется с достаточной эффективностью.

В свете этого вполне понятными являются активно предпринимавшиеся, начиная с 40-х годов и особенно в конце 50-х годов XIX века, попытки ввести, хотя бы в ведущих российских университетах, преподавание иностранного права как в его современном состоянии, так и в историческом развитии.

На юридическом факультете Московского университета чтение этого предмета было поручено молодому преподавателю Ф. М. Дмитриеву. В своей вступительной лекции, прочитанной 5 октября 1859 года¹, он отмечал: «Было время, когда знание иностранных законодательств составляло роскошь юридического образования. За исключением римского права, приобретенного значение теории и слившегося со всеми национальными законодательствами Европы, юристы не считали необходимою изучать чуждый им юридический быт. Было другое время, когда в чужих учреждениях искали пособия для внутренних преобразований и считали возможным совершенное перенесение первых из одного государства в другое. В наше время вера в такие заимствования не существует, и однако никогда еще изучение иностранного права не имело такого значения, как теперь. Без него теперь нельзя быть ни историком,

¹ Текст данной лекции был напечатан в газете «Московские ведомости» (№ 238) и издан отдельной брошюрой. См.: Вступительная лекция исправляющего должность экстраординарного профессора по Кафедре иностранных законодательств Ф. М. Дмитриева, читанная в Московском университете 5-го октября 1859 года. М.: Унив. тип., 1859.

ни юристом»¹. В дальнейшем изложении молодой профессор объяснял, какое значение имеет изучение иностранного права для русского правоведа. «Время теорий, построенных вне истории, вне опыта, прошло безвозвратно, — констатировал Федор Михайлович в заключительной части своего выступления. — Оттого-то мы не можем более довольствоваться поверхностным знакомством с общественным устройством других народов. Внимательное изучение исторического развития права на возможно большем пространстве перестало быть роскошью науки, оно сделалось теперь ее первою необходимостью»².

Учебная программа юридического факультета, предусмотренная Уставом 1863 года, вполне соответствовала новым задачам, стоявшим в то время перед русской юриспруденцией. Будущие правоведы ориентировались ею на изучение не только отечественного, но также иностранного правового опыта. Российское юридическое образование ставилось новым Университетским уставом на фундамент мировой правовой культуры.

¹ *Дмитриев Ф. М.* Сочинения. Том 2. Статьи и исследования. М., 1900. С. 191.

² Там же. С. 202.